

За приведенными фактами вскрывается парадоксальное для нас, но естественное для мифологического мышления кетов понимание течения времени и конкретно — периодов, соответствующих общепринятым категориям «прошлое, настоящее, будущее».

Материал, полученный в биографическом контексте, я считаю большой удачей, остается только сожалеть, что использовался этот метод все же недостаточно и преимущественно во время последних экспедиционных поездок.

В.Р. Арсеньев

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АФРИКАНИСТИКА НА НОВЕЙШЕМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ РОССИИ

Россия вступает в новый этап своей истории. К его приметам, в частности, относится то, что практика жизни страны, практика реализации ее экономических и политических интересов вновь вернули для государства и бизнес-сообщества РФ Африку. В связи с этим можно предположить и то, что африканские исследования вновь будут востребованы обществом, как это было в 1960–1980 гг. Но готова ли сегодняшняя африканистика и, в частности, африканистика в Санкт-Петербурге ответить на запрос российского общества с учетом его интересов в Африке в случае, если такой запрос возникнет?

Сегодня в африканистике, как и в целом в отечественном обществоведении, ситуация отличается от времен СССР. Нет необходимости с ложной стыдливостью обходить вопрос об «идеологии», хотя бы потому, что в России идет ее мучительный поиск. К тому же ныне проблема идеологии выражает не вопрос о присутствии «надрелигиозной конфессиональности», но общечеловеческие мировоззренческие основания отражения мира и бытия в нем. Особо остро эта проблема встала в таком виде как раз в связи с видимым «крахом» предшествовавшей идеологемы классовой борьбы в качестве главной движущей силы человеческой Истории [Арсеньев 1995: 5–15].

Но сохранилось унаследованное от XIX в. монистическое видение Истории как однонаправленной столбовой дороги человечества к совершенному устройству общества. Это убеждение — в свою очередь, весьма идеологизированное и основанное на вере в его неизблемость и неоспоримость — детерминировалось, в частности, свойственным европейской цивилизации восприятием времени как линейного и необратимого. Но данные сравнительной этнографии говорят о том, что в общечеловеческом масштабе такого единообра-

зия отражения не наблюдается. К тому же материалы африканистических исследований свидетельствуют скорее о нерелевантности понятия «время» не только для африканских картин мира, но и в целом для культур, близких к Природе, к архаическим формам бытия и мироотражения [Арсеньев 1996: 172–212; 2006а: 49–50].

Кому как не этнографам, не востоковедам осознавать сегодня «пороговость» ситуации, в которой оказалась «общечеловеческая» Цивилизация. Эта «пороговость» не сводима к «краху» ранее действенной целостной картины мира. Сегодня все науки, так или иначе связанные с саморефлексией по поводу собственного инструментария и приемов эмпирических исследований, сталкиваются с проблемами интерпретации наблюдаемой действительности, а соответственно и работоспособности, адекватности применяемых постулатов, координат, ценностных ориентиров видения.

В этом смысле, как этнограф-полевик с пятилетним стажем работы в среде изучаемого этноса на базе владения его реальным языком (а не «языком учебной аудитории»), с диапазоном общения в течение 34 лет (1971–2005 гг.), с опытом пребывания во всех основных локальных подразделениях этого этноса, с реальной интеграцией в целый спектр традиционных форм его жизни могу утверждать наличие огромной дистанции, отделяющей «этнографию книжную» от «этнографии в поле». Хотя, впрочем, и эта «полевая этнография» при сохранении жесткой заданности «научного видения» может остаться в рамках собственных кабинетных клише и соответственно глухой и слепой по отношению к реальности поля. По той же причине, интервью, а еще более — анкеты выступают лишь вынужденной формой ведения полевой работы, а соответственно весьма смутным, неотчетливым соприкосновением с реальностью, да еще и по заданной исследователем схеме: схеме опроса, схеме понимания, схеме интерпретации.

Увы, в соответствии с логикой развития позитивистских подходов в африканистике, в том числе и отечественной, очень незаметно произошел раскол. Раскол самый радикальный из всех возможных. Потому что при сохранении одного объединяющего названия «африканистика», восходящего к названию изучаемой африканистами части света — Африки, на деле размежевались как минимум два разных направления — даже не по предмету, а по объекту исследования. Африканистика в ее изначальном, а возможно и в «фундаменталистском» видении, это продолжение востоковедения в его классическом историко-филологическом облики. Именно так понимал эту профессиональную специализацию африканистики Д.А. Ольдерогге. Для него владение тем или иным африканским языком, а равно и изучение этого языка, знакомство с устной (а в

порядке редкого исключения для Африки — и письменной) традицией, с фольклором было только неперменной предпосылкой для постижения культуры соответствующих носителей, изучения их истории и общественного устройства, стереотипов мышления, верований, картин мира. Причем в ходе формирования специфического направления не только в отечественной африканистике, но и этнографии и, может быть, даже шире — общественедении и теории первобытности, каковым выступала выросшая благодаря усилиям Д.А. Ольдерогге «Ленинградская школа африканистики», на положение объекта исследовательского интереса, в конечном счете, выдвигаются «народы» или, категориально, — «общества» [Маслов 2001: 204].

Уместно привести также высказывание Н.М. Гиренко, сделанное в марте 1982 г. в рамках устной дискуссии по поводу объекта и предмета этнографии, по соотношению содержательных аспектов категорий «общество» и «культура». В частности, он утверждал, что «культура является аспектом общественного, обуславливающим особенность общественного в конкретно-исторических условиях. Культура — это исторически выработанная в общественной деятельности система форм, в которых общество осуществляет свое бытие (деятельность) в конкретно-исторических условиях. Отношение культура-общество можно рассматривать подобно отношению формы и содержания. Их взаимосвязь и отличие существенно, т.к. закономерности развития культуры и социальной эволюции различны и могут вступать в противоречие» (устное высказывание Н.М. Гиренко в марте 1982 г. в ходе кулуарной дискуссии по проблеме соотношения «культуры» и «общества», объекта и предмета этнографии. Поводом для дискуссии выступала очередная статья Н.М. Гиренко).

Это определение, входящее в число базовых установок «Ленинградской школы африканистики», кардинально расходится со взглядами семиотиков — как того времени, так и нынешних.

Сегодня для обозначения концептуальной перспективы, в частности, возможно такое определение понятия «язык», которое, с одной стороны, вполне созвучно принципам «Ленинградской школы африканистики». Но, с другой, несмотря на то, что с ним заведомо не согласится ни семиотик, ни связанный с семиотикой и структуралистскими подходами лингвист, оно укрепляет филологическую базу гуманитарного знания и служит задачам обращения этнографов к языковым материалам: «Язык — форма и способ передачи информации в вербальном и образном выражении. Имеет внутреннюю структуру, предполагающую “разворачивание” информации во времени через “нанизывание” элементов информации в цепочке в соответствии с некоторым логическим императивом, свойственным для данного конкретного языка» [Арсеньев 2006: 39].

В то же время развитие лингвистических исследований в 1960–1970 гг., шедшее в ногу и в соответствии с запросами разворачивавшейся революции в области информационных технологий, как раз и знаменовалось резким уходом значительной части старого языкознания в сторону формализации как исследовательского инструментария и процедур исследования, так и образа объекта. Таковой для них все более и более отделялся и от носителя, и от инструментальной роли в культуре. Возникшая в 1960-е гг. мода на структурализм как универсальный метод всех возможных «позитивных» наук привела, с одной стороны, к сближению части гуманитарных наук или их направлений с науками «техническими», а с другой — к формализации и абсолютизации дискретной определенности объектов исследований, начинающихся с предметной сферы, но в соответствии с этой же логикой «объективирующей» предмет этих наук. Т.е. язык из реальности коммуникативной, инструментальной в информационном обмене внутри общественных коллективов превращался для этих ученых в самодостаточную, саморегулирующуюся величину. Из коммуникативного средства — в метасущность. Это, в свою очередь, меняло и исследовательские приемы, и цели исследования, и его результаты.

На фоне возникшего бума электроники, компьютерных технологий, машинного перевода, машинного чтения и оборота текстов из визуализированной в аудиальную форму и наоборот, постановки и решения аналитических и конструирующих задач разного рода возник искус отождествления «кодов механизмов» и «кодов человеческого мышления». Происходило почти тотальное сближение значительной части бывшей гуманитарии с математикой, логикой. Последние — отчасти осознанно, отчасти нет — отождествлялись с трансцендентным миром, выдавались за истинные матрицы и модели бытия. Семиотика превращалась в «мать» гуманитарных наук, в их философию, методологию, квинтэссенцию. Все другие формы отражения действительности отрицались и отрицаются или попросту не замечаются.

И все это выпало на долю африканистики, в частности африканистики петербургской, хотя бы по той причине, что в рамках отдела этнографии Африки, в полном соответствии со взглядами Д.А. Ольдерогге на комплексность знания филологам, языковедам, фольклористам всегда было место. Однако это место предопределялось признанием в качестве объекта — общества.

Вот как характеризуется ситуация в этой локальной части африканистики после ухода из жизни Д.А. Ольдерогге. Приводимое ниже высказывание относится к уже впавшей в кризисную фазу формальной корпорации сотрудников отдела, ранее выступавшего базой реализации «Ленинградской школы африканистики»: «Последний

выпуск “Африканы” (XV, 1991) отразил расцвет нового направления ленинградско-петербургской африканистики, которое фактически основал К.И. Поздняков. Это направление лишь с большой натяжкой можно как-то связать с филологическим востоковедением, сильно пострадавшим в советский и особенно в постсоветский периоды отечественной истории. В действительности, если в новом направлении и сохранилось что-то непохожее на структуралистский мейнстрим, то это поиск «сырья для опытов» в этнографии. Собственно лингвистическая часть трудов этого направления несет на себе неизгладимый отпечаток традиций структурной и прикладной лингвистики, получивших развитие в Московском университете, а также ностратической компаративистики» [Добронравин 2003: 89].

В африканистике, прежде всего, в африканистике отечественной вопрос о кризисе, а если точнее — о «познавательном кризисе» поднят давно*. И это совершенно неслучайно. Не возьмусь перечислять собственные и чужие работы, в которых так или иначе затрагивается эта тема «кризиса» в научном изучении Африки. Могу только сослаться на дискуссию на страницах журнала «Восток» за 2002–2003 гг., а также на № 4 альманаха «Манифестация» за 2003 г., составивший своеобразный «круглый стол» по проблеме. Одним

* Формально это сделал И.В. Следзевский в докладе на выездной сессии Научного Совета по проблемам Африки РАН — «Ольдерогговских чтениях» — в Санкт-Петербурге в мае 2001 г., в дальнейшем опубликованном в иной редакции в журнале «Восток» («Oriens»... 2002. № 2. С. 5–18). Однако в Санкт-петербургской африканистике этот вопрос активно обсуждался еще на протяжении 1990-х гг. Именно в связи с проблематикой «кризиса», в частности, на «Ольдерогговских чтениях» 1992 г. был зачитан мой доклад «О некоторых этических проблемах науки (взгляд африканиста)» [Арсеньев 1993: 212–220]. В связи с тем же Н.М. Гиренко предлагал тематику «Ольдерогговских чтений» 2002 г. [Гиренко 2002: 36–37]. Собственно, в связи с проблемой «кризиса» мною и была выдвинута в апреле 1999 г. идея «Ленинградской школы африканистики» в качестве темы круглого стола «Ольдерогговских чтений» 1999 г. Но тогда она, увы, не получила поддержку со стороны руководства Научного совета [Арсеньев 2000: 18]. На настоящий момент проблема «кризиса» поднимается не только применительно к африканистике или этнографии в целом, но и в связи с востоковедением. На эту тему в декабре 2006 г. был сделан доклад «О кризисе современной ориенталистики» на философском факультете СПбГУ В.В. Емельяновым. Характерно, что В.В. Емельянов, как и я, видит выход из концептуального кризиса общественных наук в новом взаимном обращении этих наук к философии и философии к обновленным материалам этих наук. Мною, в частности, предложено и название этого направления — *этнософия* [Арсеньев 2006б]. Т.о., можно говорить, что выход из «кризиса» даже в нашей области знания постепенно нащупывается.

из ключевых в дискуссии оказывается уже сам по себе вопрос о том, что есть, собственно, «африканистика» [Арсеньев 2002а: 8].

По поводу «кризиса» в обществоведческой, гуманитарной африканистике тот же Н.М. Гиренко писал пять лет назад: «Кризис африканистики отнюдь не ограничился пределами нашей отечественной науки, а имеет глобальный характер. Такой же (если вообще не тот же самый по своей сути) кризис имеет в настоящее время место и в Африке во взаимоотношениях африканской культуры и африканского общества» [Гиренко 2002: 36]. Уместно заметить, что в самый разгар дискуссий среди гуманитариев-африканистов Санкт-Петербурга и Москвы по поводу характера и концептуальных оснований разворачивания кризиса и поиска путей выхода из него представители течения, фактически порвавшего с гуманитарной традицией востоковедения и африканистики, заявляя об отсутствии какого-либо «кризиса» [Выдрин 2003: 67]. Если не вдаваться в концептуальные стороны проблемы, то разобраться в сути положения становится попросту невозможно: и там африканисты, и там африканисты. К тому же для африканистов компаративистов (в лингвистическом понимании этого направления), для фонологов, для семиотиков проблемы имеют не качественный, а «количественный» характер. Дело в обилии эмпирического материала, освоенного и требующего освоения. А с методом — для них проблем нет, все ясно. Только «катастрофически не хватает времени» [Там же].

Никто из ответственных, этически корректных представителей науки не станет оспаривать право тех же компаративистов, фонологов, семиотиков развивать основные принципы и постулаты их наук. Тем более что результаты, достижения в их областях знания, несомненно, состоялись. Хотя и здесь можно оговориться, заметив, что свойственная формализованным сферам знания тенденция переходить от изучения феномена бытия к изучению его модели в состоянии дать быстрый и впечатляющий результат. Но потом с неизбежностью происходит отрыв модели от феномена, и данная область знания неосознанно стремится не к изучению бытия в его реальных формах и проявлениях, а к изучению логики построения и интерпретации моделей, часто уже оторвавшихся от бытия. На примерах использования в рамках семиотики фактов из этнографических описаний, этнографической реальности несложно отследить, как, скажем, принцип бинарных оппозиций в классификации и оперировании информацией может оказываться самодовлеющим, не гносеологическим, но онтологическим, а вырванный из контекста факт теряет свою истинную семантику в изучаемой системе.

Как это зачастую свойственно молодым и быстро набирающим силу направлениям знания, их идеологам, теоретикам кажется,

что они способны «перевернуть мир», создать его новую, эффективную и эффективную картину. Опыт показывает, что потенциал этой амбициозности быстро исчерпывается. Но к моменту «прозрения» так много может оказаться разрушено, потеряно, забыто и осквернено, что дальнейшая тропа научной традиции минует и старые руины, и вновь опозорившихся идолов. А страна в данной отрасли знания, каковой была отечественная африканистика, будет встраиваться в чужие идеологии и научные традиции либо начинать с нуля создание чего-то, ей адекватного.

Для интересов России в условиях ее возврата к тесному сотрудничеству со странами и народами Африки потребуются изучение проблем мирового рынка, трудовых ресурсов, особенностей оборотов денежных и иных средств, особенностей власти и управления в странах Африки, где натуральная составляющая хозяйственной жизни является безусловным и мощнейшим фактором экономики и политики, где действуют архаические стереотипы мышления и поведения, где актуальна роль половозрастных, социально-родственных и прочих структур регулирования общественных отношений, характерных для ранних форм социо- и политогенеза. Эта проблематика непреложна для успешного налаживания взаимодействия России и Африки. Но эта проблематика не поднимается и не решается науками о знаковых системах. Она им внутренне чужда. Зато исторически этот круг проблем органично соединим с традициями «Ленинградской школы африканистики», дополняя возможности экспертного сообщества России по вопросам Африки знаниями ее этнографической, культурной специфики, фундаментальных и частных особенностей протекания общественного процесса на африканском континенте [Арсеньев 2002б].

Сохранить и преумножить возможности этой составляющей африканистических исследований в Санкт-Петербурге — и в интересах государства РФ, и в интересах научного сообщества страны, и в интересах Африки.

Арсеньев В.Р. О некоторых этических проблемах науки (взгляд африканиста) // Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки. Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки. Санкт-Петербург, 5–7 мая 1992 г. М., 1993.

Арсеньев В.Р. О некоторых истинных и мнимых тупиках общественных наук в свете африканистики // Африка: культура и общество (исторический аспект): Материалы выездной сессии Научного Совета по проблемам Африки, Санкт-Петербург, 4–6 мая 1994 г. М., 1995.

Арсеньев В.Р. Ментальные коды и поиски «мнимого»: временные и социальные циклы бамбара // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Арсеньев В.Р. К определению феномена «Ленинградской школы африканистики» // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2000. № 1.

Арсеньев В.Р. Африканистика, конец XX-го века и «Ленинградская школа» // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2002а. № 2.

Арсеньев В.Р. «Ленинградская школа африканистики» и глобальное позиционирование России // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2002б. № 3.

Арсеньев В.Р. Время архаическое // Арсеньев В.Р. Основные понятия этнософии. СПб., 2006а.

Арсеньев В.Р. Основные понятия этнософии (Les notions principales de l'Ethnosophie). СПб., 2006б.

Выдрин В.Ф. Заметки постороннего // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2003. № 4.

Гиренко Н.М.К вопросу определения проблематики Ольдерогговских чтений 2002 года // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2002. № 3.

Добронравин Н.А. Старое вино в новых мехах (российская африканистика периода манифестов) // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2003. № 4.

Маслов А.А. Основные концепции, рожденные в рамках «Ленинградской школы африканистики» (частное мнение) // Манифестация: Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2001. № 2.

Т.А. Бернштам

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ РОСПИСИ ПО ДЕРЕВУ В СВЕТЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В бытовой культуре русского крестьянства Европейской России XIX — начала XX в. искусствоведы выделили два типа росписи по дереву: свободно-кистевой (живописный), распространенный на большей части территории Северо-Запада и Северного Поволжья (до Урала), и графический, представленный очагами, расположенными на Русском Севере и в Нижегородском Поволжье.

Истоки обоих стилей искусствоведы напрямую возводят к древнерусским изобразительным традициям, а в последующей эволюции ведущую роль приписывают городскому (посадскому) ремеслу.

В некоторых графических росписях отечественные исследователи еще в конце XIX в. отметили старообрядческий «почерк». Изучение в его ракурсе обоих типов росписи (памятуя о культурно-конфессиональной истории регионов их бытования) позволило сделать ряд выводов относительно масштаба и степени участия старообрядцев в развитии народного живописного искусства.